

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023676-9

Кто такой *дикий ревнивец* и почему нам *дико интересно*: полисемия прилагательных типа *дикий* в сфере человеческого

© 2022 г. М. В. Орлова

Младший научный сотрудник
Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
mriaorlova@gmail.com

Резюме. В статье на материале языков европейского ареала рассматривается полисемия прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED (= 'дикий (о животных)') в контексте употребления по отношению к человеку. Выступая в качестве характеристики лица, такие прилагательные получают семантическое развитие в четырех основных направлениях, так что результат деривации можно описать при помощи семантических ярлыков 1) SHY (= 'робкий, застенчивый, нелюдимый'); 2) RUDE, IMPOLITE (= 'грубый, невежливый, невоспитанный'); 3) AGGRESSIVE (= 'жестокий, агрессивный'); 4) IMPULSIVE (= 'буйный, несдержанный, импульсивный').

Когнитивный механизм семантических переходов WILD, UNTAMED → RUDE, IMPOLITE и особенно WILD, UNTAMED → AGGRESSIVE; WILD, UNTAMED → IMPULSIVE, очевидно, основан на представлении о прототипическом диком животном как хищном и опасном для человека, тогда как значение SHY возникло на основе более общего противопоставления сферы человеческого и животного мира. В то же время, благодаря сочетаниям исследуемых прилагательных с названиями эмоций семантическое развитие слова с первым значением WILD, UNTAMED может идти и дальше, так что прилагательное (или образованное от него наречие) начинает употребляться в более широком круге контекстов – актуализируя лексическую функцию Magn, то есть маркируя высокую степень проявления некоторого признака (ярлык VERY). Все отмеченные в статье семантические переходы распространены в языках Европы, что свидетельствует об их важности для европейской языковой картины мира.

Благодарность. Работа поддержана грантом РФФ № 22-28-00072 “Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии”.

Ключевые слова: семантическая типология, семантические переходы, когнитивная метафора, интенсификаторы, зоонимы, антропонимы, наивная картина мира.

Для цитирования: Орлова М.В. Кто такой *дикий ревнивец* и почему нам *дико интересно*: полисемия прилагательных типа *дикий* в сфере человеческого // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 89–101. DOI: 10.31857/S160578800023676-9

How One Can be *Wildly Jealous* and *Wildly Interested*: the Polysemy of Adjectives Denoting Wild Animals in the Field of Human Life

© 2022 Mariia V. Orlova

Junior researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 Bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russia
mriaorlova@gmail.com

Abstract. Based on the data of various European languages, the article considers the polysemy of adjectives initially meaning WILD, UNTAMED (animal) when used to characterize human character and behavior. In such contexts, these adjectives develop four major meanings, so that the result of the semantic derivation can be described with semantic labels 1) SHY; 2) RUDE, IMPOLITE; 3) AGGRESSIVE; 4) IMPULSIVE.

The cognitive mechanism of the semantic shifts WILD, UNTAMED → RUDE, IMPOLITE and especially WILD, UNTAMED → AGGRESSIVE; WILD, UNTAMED → IMPULSIVE, is apparently based upon the perception of a prototypical wild animal as predatory and dangerous to humans, whereas the meaning SHY emerged on the basis of a more general opposition between human and animal life. In addition, the semantic development of adjectives denoting WILD, UNTAMED can go further due to their compatibility with names of emotions, so that the adjective (or the adverb derived therefrom) can be used in a wider range of contexts, realizing the lexical function “Magn”, i.e. labelling a high degree of a given feature (semantic label VERY). All the semantic shifts cited in the article are common in European languages, demonstrating importance of these instances of polysemy for the conceptualization of reality encoded therein.

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-00072, “Nomination strategies in the field of basic zoo- and anthroponymic vocabulary in the languages of Eurasia”.

Key words: semantic typology, semantic shifts, cognitive metaphor, intensifiers, zoonymy, anthroponymy, natural language metaphysics.

For citation: Orlova, M.V. *Kto takoj dikij revnivec i pochemu nam diko interesno: polisemiya prilagatelnyh tipa dikij v sfere chelovecheskogo* [How One Can be *Wildly Jealous* and *Wildly Interested*: the Polysemy of Adjectives Denoting Wild Animals in the Field of Human Life]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 89–101. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023676-9

1. Введение

Современной семантической типологии известно множество случаев регулярной полисемии, объединяющей понятия из сферы человеческого и животного мира: общим местом представляется, что “существуют обширные пересечения между семантикой человеческого и животного” (“there are large intersections between human and animal semantics”) [1, с. 24]. В частности, названия животных зачастую получают коннотации, связанные с теми или иными присущими человеку чертами характера, и впоследствии начинают использоваться для номинации лица по признаку, см. рус. *змея* ‘коварный, подлый человек’, *лиса* ‘хитрый человек’, *медведь* ‘неуклюжий, неотесанный человек’, *орел* ‘вызывающий восхищение смелый человек’ и т.д., а также выражения типа *акулы пера* (о таких метафорах в английском языке см., например, [2]). Множество примеров такого рода можно обнаружить и в других языках. Менее исследованной, однако, представляется полисемия лексем, которые, не будучи в своем основном значении названиями видов животных, тем не менее используются для их характеристики (см. домашний vs. дикий, травоядный vs. хищный и т.д.). Именно полисемия такого рода, а именно набор производных значений прилагательных типа рус. *дикий*, является объектом исследования в настоящей статье.

Полисемия такого рода будет рассмотрена на материале языков европейского ареала — преимущественно романских и германских, но с привлечением данных других языков, в том числе неиндоевропейских (см. ниже примеры из венгерского языка). В качестве материала исследования привлекались лексикографические описания прилагательных, приводимые в словарных статьях иллюстративные примеры, данные корпусов, а также выдержки из разных источников, содержащиеся в Каталоге семантических переходов, — см. сайт компьютерной базы данных “Database of Semantic Shifts” (далее DatSemShift) <https://datsemshift.ru/>. Каталог представляет собой составляемый группой исследователей под руководством А.А. Зализняка постоянно пополняющийся список семантических переходов, понимаемых как «наличие некоей концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах “одного слова в широком смысле”» [3, с. 411] в диахронии или в синхронии.

Представляется, что, будучи употребленными по отношению к лицу, лексемы с исходным значением WILD, UNTAMED¹ (= ‘дикий (о животных)’) могут получать семантическое развитие в четырех

¹ Исследуемые значения обозначаются в статье условными англоязычными ярлыками в соответствии с принципом номинации, принятым в DatSemShift.

основных направлениях, так что результат этой деривации можно описать при помощи семантических ярлыков 1) SHY (= ‘робкий, застенчивый, нелюдимый’); 2) RUDE, IMPOLITE (= ‘грубый, невежливый, невоспитанный’); 3) AGGRESSIVE (= ‘жестокый, агрессивный’); 4) IMPULSIVE (= ‘буйный, несдержанный, импульсивный’). Путь семантического развития прилагательных с первым значением WILD, UNTAMED, очевидно, является косвенным проявлением антропоцентризма языковой концептуализации мира, поскольку характеристика животного в каждом случае переосмысливается как определенное свойство человека.

При этом третье и четвертое значения очевидно ближе друг к другу, чем каждое из них по отношению к первому: как ярлык IMPULSIVE, так и ярлык AGGRESSIVE используются для описания “экстенсивного” поведения, позитивно, нейтрально или — чаще всего — негативно оцениваемой повышенной эмоциональной активности субъекта, тогда как лексемы со значением SHY выражают противоположную идею — семантику эмоциональной “закрытости”, пассивности, интроверсии. Что же касается значения RUDE, то оно имеет общие семантические компоненты и с первым значением, и с двумя последними: это сходство заключается в представлении о неумении общаться с людьми в первом случае и в идее опасности, исходящей от лица, а также в негативной оценке такого поведения говорящим во втором. Ниже, в разделе 2, будет предложена гипотеза относительно генезиса каждого из четырех производных значений на основе исходного, которая, как представляется, позволяет дать интерпретацию сходству и различиям между ними.

2. Развитие переносных значений у прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED

Прежде чем приступить к анализу четырех значений, которые параллельно образуются в языках мира на основе исходной семантики, обозначаемой при помощи ярлыка WILD, UNTAMED, следует охарактеризовать само это первое, прямое, значение. Это представляется особенно важным в связи с тем, что, как это всегда происходит при семантической деривации, новый тип употребления лексемы базируется на конкретных компонентах исходной семантики, выборочно задействуя некоторые из них, и, более того, связан со спецификой представления этого значения в наивной картине мира [4, с. 349–351].

Обратившись к толковым словарям ряда индоевропейских языков, принадлежащих разным

группам, можно, в частности, зафиксировать, что в [5, с. 399] прилагательное *дикий* в своем первом значении получает толкование ‘не прирученный, живущий на воле в отличие от домашнего (о животных и птицах)’, что иллюстрируется предложениями *дикий зверь, дикий конь, дикая коза*, а также — в рамках подзначения — ‘некультивируемый, растущий на свободе в отличие от садового, огородного (о растениях)’ (см. *дикая малина, дикий виноград, дикий лук*). Схожим образом устроено толкование, предложенное для прилагательного *sauvage* в [6]: ‘живущий на свободе в природных условиях, не подвергающийся человеческому влиянию’ (см. *les bêtes sauvages de la jungle* ‘дикие звери джунглей’); ‘растущий на природе, не возделываемый и не прививаемый, особенно если речь идет о видах, для которых это обычно характерно’ (см. *fleurs, fruits, plantes sauvages* ‘дикорастущие цветы, плоды, растения’). В [7, с. 3923] прилагательное *wild* в первом значении получает синкретичную, не разделяемую на подзначения дефиницию ‘не одомашненный; [...] живущий в дикой природе, дикорастущий’ (см. примеры *wilde Erdbeeren, Rosen, Pferde* ‘дикая земляника, роза, лошадь’).

Рассматривая приведенные толкования и иллюстрирующие их примеры, можно отметить, во-первых, что в наивной картине мира, в сознании носителя языка между употреблениями прилагательного по отношению к животным или к растениям, регулярно объединяемыми в одной словарной статье по принципу неподконтрольности объекта живой природы человеку, существования в естественных условиях, существует более четкая граница. Это связано с присущим наивной картине мира европейца представлением о некоторой иерархии объектов мира как о шкале, на которой животные находятся ближе к человеку, а растения сближаются с противоположным полюсом — неживой природой (см., например, [8]). В связи с этим представляется естественным, что формирование всех четырех значений, возникающих на первой ступени семантического развития прилагательных со значением WILD, UNTAMED, будет основано не просто на первом значении соответствующих лексем, но на его реализации в конкретной сфере применения — в отношении животных, а не растений. Далее эта гипотеза будет прокомментирована на конкретном языковом материале.

Во-вторых, сама семантика WILD, UNTAMED как конкретизированный вариант более общей идеи WILD также задействована в образовании двух из трех вышеперечисленных производных

значений, относящихся к человеку, в трансформированном или по крайней мере суженном виде. Представляется, что в “наивной зоологии” понятие дикого животного сопровождается периферийной идеей хищности (и логически вытекающей из нее опасности для человека — о важности импликаций для семантической деривации см. [9, с. 39]), которая в словарных статьях, отражающих научную картину мира, никак не фиксируется.

Такое понимание обязательных и необязательных, но зачастую существенных признаков класса “дикие животные” можно соотнести с теорией прототипов [10], согласно которой каждая категория выделяемых человеческим сознанием явлений действительности имеет центр — своих прототипических представителей² — и периферию, то есть объекты, которые обладают только частью ассоциирующихся с категорией признаков (например, воробей — более прототипическая птица, чем не умеющий летать пингвин). Прототипическими дикими животными для носителей европейских языков, вероятно, можно назвать хищных лесных животных, таких как волк или медведь; при этом очевидно, что в языках других ареалов центр этой категории будет смещаться (например, к нему могут принадлежать львы или тигры), но травоядные животные, по всей видимости, в любом случае будут находиться на периферии этого класса.

Несмотря на то что в литературе констатируется культуро- и лингвоспецифичность противопоставления центра и периферии категорий (см., например, [12]), очевидно также, что резкие расхождения между языками близких культур, распространенными на соседних территориях, в этом отношении достаточно редки. Именно из этого (вероятно, общеевропейского) разделения, по всей видимости, следует возможность образования на основе семантики WILD, UNTAMED значений AGGRESSIVE и IMPULSIVE: кажется интуитивно верным, что, употребляя соответствующее прилагательное по отношению к излишне эмоциональному или агрессивному лицу, говорящий ориентируется на представление о “прототипических” диких животных (хищных и представляющих опасность для человека и скота), таких

² См. определение лексического прототипа в [11, с. 91]: “инвариантный ассоциативно-смысловый комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов, формирующийся не только на основе семантической структуры слова, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей, но и имеющейся в обществе традиции употребления”; “своего рода стереотипы в рамках обыденного мышления”.

как волк или медведь, а не об элементах класса, относящихся к его периферии, таких как, к примеру, заяц или дикая лошадь.

В то же время маловероятно, что значение SHY также сформировалось на основе ассоциации с хищным животным, поскольку метафорическому развитию значений вида ‘опасный’ → ‘застенчивый’ едва ли возможно дать убедительное объяснение. Представляется, таким образом, что для образования этого значения разделение категории “дикие животные” на центр и периферию менее существенно, и ключевым семантическим компонентом для его возникновения становится идея отсутствия регулярного взаимодействия с людьми, которое отличает диких животных от одомашненных. Более того, можно предположить, что основой для формирования значения SHY послужил опыт столкновения человека с неприрученными животными, которые зачастую бывают домашними (см. *дикая кошка, дикая собака, дикая лошадь*): как и от таких животных, от лиц, характеризующихся при помощи прилагательного со значением SHY, ожидается умение взаимодействовать с людьми, однако эти ожидания не оправдываются.

Наконец, анализируя происхождение значения RUDE, можно отметить, что соответствующие употребления прилагательных типа *дикий* имеют ряд общих черт со всеми вышеописанными. С одной стороны, представление о грубости лица отчасти смежно с представлением о его закрытости, некоммуникабельности (что в полной мере реализуется в семантике русского прилагательного *нелюдимый*, см. характерный пример, приводимый в [5, с. 399]: *Пропали ее жизнерадостность и общительность. Она стала хмурой и нелюдимой*³ — то есть одновременно замкнутой, необщительной и не соблюдающей нужные социальные конвенции).

С другой стороны, грубость зачастую воспринимается как признак потенциальной опасности субъекта, как проявление агрессивности в некоторой ее “облегченной” форме. Эти наблюдения позволяют заключить, что при формировании значения RUDE актуализируется максимально обобщенное представление о диких животных, объединяющее в себе центр и периферию этой категории, а также набор различных ассоциаций с такими существами и их поведением.

Кроме того, очевидно, что между употреблениями лексем типа *дикий* в разных значениях не всегда возможно провести четкую границу

³ В. Кожевников. Простая история.

(см. SHY и RUDE; RUDE и AGGRESSIVE; AGGRESSIVE и IMPULSIVE). Несмотря на то что ярлыки SHY и AGGRESSIVE, казалось бы, обозначают два противоположных типа поведения, значения, приобретаемые рассматриваемыми прилагательными при употреблении применительно к человеку, можно рассматривать как своего рода спектр, где замкнутость и неумение общаться с людьми граничит с грубостью, а грубость переходит в открытую агрессию и жестокость.

Синкретизм исследуемых значений находит отражение и в лексикографическом описании прилагательных типа *дикий*, см., например, толкование итальянского *selvatico* в [13, с. 3921] и португальского *selvagem* в [14, с. 2539], соединяющие в себе идеи SHY и RUDE, или дефиницию испанского *salvaje* в [15, с. 985], в которой совмещаются значения RUDE и AGGRESSIVE. Можно выделить только две пары значений, которые представляются однозначно дискретными и неспособными синкретично выражаться в рамках одного употребления: SHY/AGGRESSIVE и SHY/IMPULSIVE, — поскольку их семантика содержит несочетаемые, вступающие в противоречие компоненты: идею замкнутости либо, напротив, экстенсивности, а также — зачастую — представление об уязвимости субъекта или же об опасности, исходящей от него.

Впрочем, в словарях можно встретить и любопытные толкования, соединяющие в себе все четыре рассматриваемых значения, см. толкование одного из значений румынского прилагательного *sălbatic*: *aprig, impulsiv, nesociabil, ursuz* ‘свирепый, импульсивный, необщительный, угрюмый’ [16, с. 829]. Такое смешение значений неслучайно проявляется в описаниях полисемии: оно непосредственно связано с естественным механизмом семантической эволюции слова, поскольку “есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь <...> от самого общего представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, — к постепенному расчленению и оппозиции частных значений” [17, с. 43]. Попытка анализа, “расчленения” синкретично воспринимаемых носителями и описываемых в словарях значений будет последовательно предприниматься в этой работе во всех случаях, где это возможно.

Контекстуальный синкретизм отдельных значений прилагательных типа *дикий* не позволяет, однако, свести все или некоторые из них к одному более широкому, поскольку они все же фиксируют различные, пусть иногда и взаимосвязанные, характеристики лица, а при их формировании,

как было продемонстрировано выше, задействованы разные когнитивные механизмы. Таким образом, ниже каждое из описанных четырех значений будет рассмотрено как некоторый самостоятельный семантический комплекс и — в последнюю очередь — будет охарактеризована возможность употребления таких прилагательных и образованных от них наречий в более широком круге контекстов, не ограниченном сферой человека.

3. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED в значении SHY

Значение, которому соответствует ярлык SHY, более других нуждается в предварительном описании, поскольку лишь частично совпадает со значением английского прилагательного *shy* и лексем, которые чаще всего используются для перевода этого прилагательного на другие языки (рус. *робкий* и *застенчивый*, нем. *schüchtern*, фр. *timide*). В ряде случаев оно действительно может быть описано с помощью этих прилагательных, но обычно сближается в первую очередь со значением русского прилагательного *нелюдимый*, употребляющегося по отношению к человеку, которому свойственна замкнутость, угрюмость, стремление проводить время в одиночестве. Представляется, что понятия застенчивости и нелюдимости, важные для интерпретации рассматриваемого значения, различаются намеренностью/ненамеренностью такого поведения: человек, которого называют нелюдимым, делает осознанный выбор в пользу определенного типа взаимодействия с окружающими, а не обречен на него особенностями характера.

Значение SHY у лексем типа *дикий* представляется менее распространенным в европейских языках, чем противоположные, “экстенсивные” значения, однако все же представлено в структуре ряда полисемичных слов. Оно, безусловно, характерно собственно для русского прилагательного, причем следует отметить, что это единственное из вышеописанных производных значений, которое выделяется в [5, с. 399]: ‘избегающий, чуждающийся людей; застенчивый, нелюдимый’. Интересно также отметить, что значение SHY регулярно реализуется в русском языке при употреблении диминутива *дикуватый*⁴ (см. соположение этой лексемы в приводимых ниже примерах

⁴ См. также глагол *дичиться* ‘вести себя нелюдимо, замкнuto, избегать общения с кем-л.’: *Танюшка не отходила от нас ни на шаг. Поначалу она дичилась меня, пряталась за Федора, выглядывая то из-за плеча, то из-под руки* (С. Шуртаков. Первое свидание) — пример из [5, с. 404].

с близкими к нему по значению прилагательными (*кроткий, застенчивый*): *Застенчивая, диковатая — да, но совсем не тихая и не кроткая*. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)] *Сам он был кроткий, диковатый, а мечтал — о том, чтобы на одной из плиток площади написать слово *stebuklas* — чудо*. [Н.Л. Трауберг. Сама жизнь (2008)]

Анализ фиксируемых в [18] контекстов, содержащих лексему *дикий*, позволяет констатировать, что для диминутива значение *SHY* более характерно, чем для производного прилагательного. Как представляется, этот факт можно связать с тем, что идея собственности дикости все же ассоциируется преимущественно с идеей “экстенсивности”, агрессивности, опасности, т.е. ключевыми семантическими компонентами других исследуемых нами значений, и в меньшей степени с представлением о кротости, застенчивости, незащищенности и т.д. Уменьшительный суффикс “смягчает” это представление, выражая отношение говорящего к предмету речи как к низшему в некоторой иерархии (о связи идеи малого с представлением о незначительности, “не-страшностью”, “не-опасностью” см. [19, с. 131]), а следовательно, безопасному, и делает возможным частое употребление лексемы *диковатый* в значении *SHY*.

Среди романских языков это значение свойственно, в частности, французской лексеме *sauvage*. Оно фиксируется в словарях (см., например, статью в [6]) и иллюстрируется примерами из литературы: *Ce garçon **sauvage**, accoutumé à se tapir loin du monde et de qui c'était l'unique souci de n'être pas vu* (Maugiac, Baiser Lépreux, 1922, p. 166) ‘Этот диковатый мальчик, который привык прятаться вдали от всех и заботился только о том, чтобы его не увидели’. Близкое значение (как представляется, практически синкретичное с *RUDE*) способно выражать итальянское прилагательное *selvatico*, ср. ит. *è un uomo selvatico ma buono* ‘это нелюдимый, но добрый человек’ [20, с. 1616]; в этом же словаре отдельно приводится более дискретное устаревшее значение *solitario, romito* ‘одиночка, отшельник’, которое, как представляется, соединилось в контекстах наподобие процитированного выше с представлением о незнании правил общения, неумении себя вести.

Это же значение обнаруживается и у венгерского прилагательного *vad*, ср. *vad fiú* ‘диковатый мальчик’ и особенно показательный пример *Gyere közelebb, ne légy olyan vad!* ‘Подойди поближе, не дичись так!’ [21, с. 705]. Французский и венгерский примеры демонстрируют сочетаемость прилагательных типа *дикий* в переносных значениях с обозначениями ребенка, что будет повторно

отмечено и подробнее прокомментировано ниже, в разделе 6.

4. Употребление прилагательных с исходным значением *WILD, UNTAMED* в значении *RUDE*

Как уже отмечалось выше, значение *RUDE* отчасти пересекается со значением *SHY*, рассмотренным в предыдущем разделе. Грубое поведение человека, по отношению к которому употребляется лексема *дикий* в этом значении, связывается говорящим не с его злонамеренностью, а с незнанием правил приличия, неумением соблюдать социальные нормы, своего рода “природным”, “неокультуренным” состоянием. Очень характерно в этом отношении частотное в русском языке сочетание *дикий мужик* ‘крестьянин, отличающийся от представителей высших сословий необразованностью и отсутствием манер’: *Русскую революцию устроила тупая, необразованная, мечтательная и подлая Русская интеллигенция и жадный, грубый и дикий мужик...* [П.Н. Краснов. Ложь (1938–1939)]; *Внизу дикие мужики, а тут блины с шампанским и богородица троеручица*. [И.А. Бунин. Чистый понедельник (1944)] Показателен также пример с другим сочетанием, в котором метатекстовое толкование прилагательному дает сам автор: *Никаких настоящих ковбоев с пистолетами я так и не встретила в Техасе, но всё же техасцы — народ более дикий (в смысле грубый, прямолинейный), чем все остальные американцы*. [Ольга Панфилова. Америка от А до Я // “Богатей” (Саратов), 2003.03.20]⁵

Кроме того, схема семантического развития *WILD, UNTAMED* → *RUDE* весьма продуктивна в романских языках. Так, оно фиксируется в статье, посвященной лексеме *sauvage* в [6], см. *Je la devinai sauvage, pleine de fausse gaieté et de malédictions* (Colette, Naiss. Jour, 1928, p. 14) ‘Я почувствовал, что она невоспитанна, полна фальшивой веселости и злобы (букв. проклятий)’. Это же значение представлено в семантической структуре когнатов французского прилагательного — испанского *salvaje* (ср. пример из [22, с. 1573] *Es tan salvaje que me da vergüenza ir con él* ‘Он такой невоспитанный, что мне стыдно с ним ходить’) и итальянского *selvatico* (ср. пример из [23, с. 1939] *è un uomo burbero e selvatico, ma non cattivo* ‘он грубый и невоспитанный, но не злой человек’).

В связи со значением *RUDE* следует упомянуть также французское прилагательное *brutal*, образованное от существительного *brute* ‘зверь’. Оно не имеет собственно значения ‘дикий’, но

⁵ Все примеры в этом абзаце взяты из [18].

безусловно базируется на представлении о поведении диких зверей, поскольку исходная семантика лексемы *brute* (в современном языке использующейся преимущественно в переносном смысле — для характеристики невоспитанного человека) предполагает именно идею противопоставления зверя человеку как более развитому существу, см. толкования из французских толковых словарей: *animal considéré dans ses instincts sauvages* ‘животное, рассматриваемое с точки зрения его диких инстинктов’ [24] и *animal considéré dans ce qu’il a de plus primitif et de plus éloigné de l’homme* ‘животное, рассматриваемое с точки зрения его самых примитивных черт, максимально отличающих его от человека’ [6]. В связи с этим представляется возможным отнести к настоящему разделу исследования сочетания типа *un ivrogne grossier et brutal* ‘грубый и невоспитанный пьяница’ [24].

5. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED в значении AGGRESSIVE

Значение, которому соответствует ярлык AGGRESSIVE, также нуждается в предварительном толковании, поскольку объединяет в себе как минимум два подзначения. С одной стороны, прилагательные типа *дикий* могут использоваться для характеристики агрессивно ведущего себя человека в состоянии ярости, злости; с другой стороны, они способны употребляться и для описания жестокого, бесчеловечного поведения, даже преступления. В последнем случае характерны примеры из разных языков, в которых прилагательное употребляется по отношению не к лицу, а к некоторому поступку, см., к примеру, ит. *vendetta selvaggia* ‘жестокая месть’ [25, с. 2434] и *omicidio selvaggio* ‘жестокое убийство’ [13, с. 2055].

Примеры употребления лексем с первым значением WILD, UNTAMED в качестве характеристики лица, ведущего себя агрессивно или жестоко, обнаруживаются в значительном количестве европейских языков. В частности, соответствующие контексты встречаются в романских языках: см. толкование фр. *sauvage* в [6], иллюстрируемое, в частности, следующим примером: [*Ravaillac*] *entendit en pleine chaire les prêtres (...) demander à grands cris s’il n’y aurait pas quelque cœur généreux, mâle ou femelle, pour délivrer ce pays du tyran, comme cette bonne dame Judith du sauvage Holopherne* (Tharaud, Trag. de Ravaillac, 1913, p. 18). ‘[Равальяк] услышал, как священники с кафедры (...) спрашивают во всеуслышание, не найдется ли какой-нибудь великодушный человек, мужчина или женщина, который бы спас эту страну от тирана, как славная дама Юдифь от жестокого

Олоферна’. Характерны также приводимые в этой же статье речения *assassin sauvage* ‘жестокий убийца’, *ennemi sauvage* ‘жестокий враг’: такая сочетаемость свидетельствует о тесной связи этого значения с идеей опасности, напрямую производной от исходной семантики WILD, UNTAMED.

То же значение обнаруживается и в полисемии испанского прилагательного *salvaje* (см. пример из [22, с. 1573] *No seas salvaje y deja de maltratar al gato* ‘Не будь жестоким, перестань мучить кошку’). Это же значение представляется характерным для рум. *sălbatic*, причем в [16, с. 829] подчеркивается, что прилагательное актуализирует его в сочетаниях как с именами лиц, так и с именами событий и действий. В примерах из словарных статей, посвященных итальянской лексеме *selvaggio*, как правило, реализуется последний тип сочетаемости, ср. *un selvaggio assassinio* ‘жестокое убийство’ [20, с. 1616].

Значение AGGRESSIVE можно выявить также и у германских лексем — к примеру, при анализе употребления немецкого прилагательного *wild*. Факт выражения им такой семантики фиксируется в [7, с. 3923], где иллюстрируется примером *Wenn du ihm das sagst, wird er wild* ‘Если ты ему это скажешь, он придет в ярость’. Представляется, что агрессивное поведение, обозначаемое немецкой лексемой в таких контекстах, проявляется в первую очередь как выражение негативных эмоций (ярость, злость, гнев), а не как осуществление насильственных действий (ср., например, приведенные выше примеры из французского языка). В то же время, поскольку оба типа поведения, называемые при помощи лексем типа *дикий*, можно охарактеризовать как проявления агрессии, хотя и в разных масштабах и с разными последствиями, представляется целесообразным обозначать их единым ярлыком.

То же значение, хотя и не очень частотное, обнаруживается и у норвежского когната немецкой лексемы — прилагательного *vill*: *Her kommer en, som er vild paa mig*⁶ ‘Вот идет человек, сердитый на меня’ [26]. Такое управление нехарактерно для употребления этого прилагательного в современном языке, однако значение лексемы полностью не утратила: оно сохранилось в устойчивом сочетании *vill og blodig* ‘досл. дикий и кровавый’, ср. *Han siktet rundt seg, vill og blodig*⁷ ‘В гневе, он прицелился’ [26].

Близкая к значению AGGRESSIVE семантика свойственна также и венгерскому прилагательному

⁶ Henrik Wergeland, Samlede Skrifter, IV.

⁷ Ailo Gaup, Natten mellom dagene.

vad, ср. толкование из [21, с. 705] *önuralom nélküli, hirtelen haragú* ‘не способный себя контролировать, внезапно приходящий в ярость’ и пример из этого же словаря *vad bolond* ‘буйный дурак’. Первая часть этого толкования сближает описываемое значение со значением IMPULSIVE, однако вторая содержит в себе семантический компонент агрессивного поведения и потенциальной опасности для окружающих, что позволяет квалифицировать это значение как подходящее под ярлык AGGRESSIVE.

В аналогичном значении употребляется и английское прилагательное *feral* ‘одичавший’, см. *The riots were blamed on feral teenagers* ‘Виновниками беспорядков называли буйных подростков’ [27]. В этой связи интересна также история его французского когната — прилагательного *féroce*: оно произошло от латинской лексемы *ferox* ‘импульсивный; гордый’, которая, в свою очередь, производна от *ferus* ‘дикий’ (ср. совр. фр. *fier* ‘гордый’) [28, с. 844]. В современном языке прилагательное *féroce*, с одной стороны, способно выражать значение ‘хищный’, близкое к предлагаемому в этой работе суженному пониманию ярлыка WILD, UNTAMED (см. толкование *se dit d'un animal sauvage qui tue par instinct* ‘о диком животном, имеющем инстинкт убийства’ [24] и сочетания с существительными типа *panthère* ‘пантера’, *alligator* ‘аллигатор’). В переносном значении это прилагательное используется для характеристики поведения человека как жестокого, немилосердного, см. *de féroces gardiens* ‘суровые стражи’ [24].

Аналогичным образом употребляются и другие романские когнаты, ср. ит. *bestie feroci* ‘дикие звери’ и *nemico feroce* ‘жестокий враг’ [20, с. 656], исп. *El lobo es un animal feroz* ‘Волк — это хищное животное’ и разг. *un hombre feroz* ‘страшный человек’ [29, с. 922] (характерно, что семантический компонент восприятия такого человека как страшного отмечен в толковании). У румынского прилагательного *feroce* второе значение (см. *privire feroce* ‘жестокий взгляд’ [16, с. 330]) стало единственным: по отношению к животным эта лексема в современном языке не употребляется.

Этот тип употребления адъективной лексемы характерен и для русского прилагательного *дикий*. Так, особенный интерес представляет следующий контекст из [18], в котором сложно отграничить смысл AGGRESSIVE от идеи высокой степени проявления признака: *Больше того, в известном смысле он подходил на роль дикого ревнивца лучше, чем кто бы то ни было из Ольгиных поклонников — именно потому, что меньше всего подходил для неё внешне.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)] С одной стороны, поведение ревнивого человека

действительно зачастую ассоциируется с агрессивностью, резкими проявлениями ярости; с другой — здесь можно предположить и разговорное употребление прилагательного *дикий* как интенсификатора, в лексической функции Magn [30, с. 89]. Таким образом, последнее, наиболее отвлеченное значение, свойственное лексемам типа *дикий* (см. раздел 7), может быть связано не только с понятием импульсивности, но и с представлением об агрессии как частном случае крайней степени реализации некоторого признака.

6. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED в значении IMPULSIVE

Значение IMPULSIVE предлагается понимать как идею несдержанности, неконтролируемости поведения человека, чрезмерно яркого проявления им эмоций. Важно отметить, что хотя семантический компонент “экстенсивности” поведения сближает это значение с предыдущим, идея агрессии или жестокости при соответствующем употреблении лексем типа *дикий* не находит воплощения. Представляется также, что при использовании в этом значении такие прилагательные практически утрачивают негативную коннотацию в сравнении со значением AGGRESSIVE. Именно в связи с этим, а также благодаря развитию на основе этой семантики значения ‘сильный (об эмоциях)’ (см. об этом ниже) становится возможным употребление прилагательных типа *дикий* и образованных от них наречий в лексической функции Magn.

Характерно, что абсолютное большинство примеров употребления прилагательных в этом значении демонстрирует сочетаемость прилагательного с обозначением ребенка, ср. нем. *ein wildes Kind* [7, с. 3923] и ит. *un piccolo selvatico* [25, с. 2434] ‘неугомонный, темпераментный ребенок’, норв. *ville barn* [31]⁸, шв. *vilda ungar* [32] и ирл. *páistí fáine* [33, с. 539] ‘неугомонные дети’, а также примеры, в которых соответствующее существительное не фигурирует, но контекст позволяет однозначно утверждать, что в качестве субъекта подразумевается именно ребенок, подросток: англ. *She was completely wild in high school* ‘В старших классах она была совершенно неконтролируемой’ [27] и исл. *Hann var miklu villtari áður en hann fór í háskólann* ‘До поступления в университет он был намного более буйным’ [34]. Впрочем, сочетания типа порт. *temperamento selvagem* ‘буйный нрав’

⁸ Описываемое значение является единственным у родственного лексеме *vill* прилагательного *viltar*, см. близкое к приводимым здесь примерам сочетание *en viltar liten jente* ‘неугомонная девочка’ [31].

[35, с. 1822], норв. *vill av begeistring, raseri* ‘охваченный диким энтузиазмом, яростью; досл. дикий от энтузиазма, ярости’ [31] и отчасти ирл. *fiáin chun ruda* ‘полный желаний, букв. дикий что-то сделать’ [33, с. 539] демонстрируют, что рассматриваемые прилагательные могут актуализировать это значение не только в употреблении применительно к детям.

Регулярная сочетаемость прилагательных типа *дикий* в значениях IMPULSIVE и SHY (см. раздел 3) с обозначениями ребенка, как представляется, позволяет предположить, что в наивной картине мира дети находятся ближе к животным на “шкале одушевленности”, чем взрослые⁹. Именно детям, в силу их небольшого жизненного опыта и незнания социальных конвенций, может быть свойственно “нестандартное” для человека как социального существа поведение: как излишняя замкнутость, некоммуникабельность, так и, наоборот, чрезмерная темпераментность, неконтролируемость.

Помимо этого, прилагательные с первым значением WILD, UNTAMED зачастую используются в отдельном круге контекстов, также связанных со сферой поведения человека, но не предполагающих прямой характеристики лица при помощи прилагательного. Так, исследуемые адъективные лексемы способны сочетаться с именами эмоций или их проявлений, что можно рассматривать, с одной стороны, как актуализацию значения IMPULSIVE (поскольку бурное проявление определенной эмоции представляет собой подвид бурного проявления эмоций как типа поведения, характерного для человека в целом), с другой — как употребление в функции интенсификатора.

Такие примеры встречаются во многих европейских языках, см. рус. *дикая свирепость, дикое страсти* [5, с. 399], ит. *furia selvaggia* ‘дикая ярость’, *urlo selvaggio* ‘дикий вой’ [35, с. 2434], нем. *eine wilde Panik* ‘дикая паника’, *in wildem Zorn* ‘в диком гневе’ [7, с. 3923], шв. *vilt raseri* ‘дикий гнев’ [32], венг. *vad harag* ‘дикий гнев’, *vad szenvedély* ‘безумная страсть’ [21, с. 705], а также датский пример с наречием *vildt forelsket* ‘безумно влюблен’ [37]. Особенно интересны в этом контексте сочетания с существительными, которые обозначают эмоции, необязательно имеющие яркие внешние проявления и, следовательно, воспринимаемые

⁹ См. описание существующих в разных языках “шкал одушевленности” с грамматической точки зрения в [36]; представляется, что для нужд лексикологии, в частности исследования сочетаемости, такого рода шкала может быть детализирована (например, за счет оппозиций взрослые vs. дети, домашние vs. дикие животные).

как безопасные для окружающих, ср. венг. *vad félelem* ‘дикий страх’ [21, с. 705]. Представляется, что сдвиг в сочетаемости лексем типа *дикий*, делающий возможными такие употребления, основан на механизме проксимальной метонимии, а именно переносе фокуса внимания с проявляющего определенные эмоции субъекта на его действия (о языковой метонимии как переносе фокуса внимания см. [38, с. 158]; о проксимальной метонимии как смещении определения с лица на его действия см. [39, с. 2]).

7. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED и производных от них наречий в функции Magn

Все рассмотренные выше производные значения лексем типа *дикий* представляют собой случаи переноса существующих в наивной картине мира представлений о животных в сферу человека. Однако такого рода прилагательные и производные от них наречия зачастую обнаруживают способность употребляться не исключительно в отношении лица, а в более широком круге контекстов — актуализируя лексическую функцию Magn, то есть маркируя высокую степень проявления некоторого признака (ярлык VERY в базе DatSemShift).

Следует отметить, что приобретение словом функции интенсификатора представляет собой весьма продуктивный тип семантического перехода: см. рус. *сильная усталость, полный бред, страшная сила, ужасно интересно* и т.д., а также аналогичное замечание на материале английского языка в [40, с. 441]. Случай прилагательных типа *дикий* и образованных от них наречий представляет собой яркий случай расширения значения слова (см. один из первых подробных анализов этого явления в [41, с. 115–121]): изначально обозначая сильную, бурную эмоцию, они постепенно начинают употребляться по отношению к широкому кругу явлений, в том числе не имеющих отношения к внутренней жизни и поведению человека.

Представляется, что последний тип употребления соответствующих лексем непосредственно связан с описанным выше значением IMPULSIVE и в особенности с контекстами типа *дикая свирепость*, то есть базируется на семантическом компоненте высокой степени проявления чувств и эмоций, причем как однозначно негативно, так и скорее позитивно оцениваемых говорящим. Такие сочетания можно рассматривать как промежуточную ступень семантического развития, узкий круг так называемых bridging contexts

(см., например, [42]), которые делают возможным появление у слова принципиально новой семантики. С одной стороны, в таких употреблениях реализуется идея импульсивности, метонимически переносимая с субъекта внутреннего состояния на само это состояние и далее на его внешние проявления, с другой — в них описывается некое крайнее, чрезмерное проявление эмоции, что позволяет говорить об использовании лексемы с исходным значением WILD, UNTAMED в роли функции Magn.

Употребления прилагательных типа *дикий* в bridging contexts в дальнейшем делают возможными и сочетания с лексемами самой различной семантики, в том числе с другими прилагательными и глаголами. Наиболее тесную связь с исходным значением IMPULSIVE сохраняют употребления в сочетании с существительными, обозначающими ситуации, которые развиваются во времени и могут быть оценены по шкале интенсивности. Как и поведение человека или проявление эмоций, они могут быстро, неконтролируемо развиваться, ср. нем. *ein wildes Schneegestöber* ‘дикий снегопад’ [43, с. 741], ит. *inflazione selvaggia* ‘дикая инфляция’ [25, с. 2434], исп. *el urbanismo salvaje* ‘бурная урбанизация’ [44, с. 4003], венг. *vad szél* ‘дикий ветер’, *vad zaj* ‘дикий шум’, *vad fájdalom* ‘дикая боль’ [21, с. 705].

Однако наибольший интерес, как кажется, представляют случаи, когда прилагательные типа *дикий* или образованные от них наречия употребляются с существительными (наречиями, другими прилагательными), которые обозначают ситуацию, не предполагающую развитие, не обязательно протяженную во времени (ср. исп. *la salvaje hedentina* ‘дикая вонь’ [44, с. 4003], венг. *vad hideg* ‘дикий холод’ [21, с. 705], дат. *vildt uenige* ‘совершенно несогласны’ [37]), или даже неакциональный признак (ср. рус. *дико интересно* [18], норв. *jeg var vilt lykkelig* ‘мне дико повезло’¹⁰ [26], дат. разг. *vildt fedt* ‘дико круто, букв. дико жирно’ [37]). Также следует упомянуть просторечные примеры типа рус. *я дико извиняюсь*, в которых в принципе не обозначается степень проявления акционального признака (поскольку действием, как и всегда при употреблении перформативных глаголов, является само высказывание): говорящий в таком случае просто использует “усиленную” формулу вежливости.

Таким образом, если описанные выше четыре перехода должны рассматриваться как случаи радиальной полисемии, то значение VERY

представляет собой крайнее звено цепочечной полисемии WILD, UNTAMED → IMPULSIVE → VERY. Исходное значение исследуемых лексем принадлежит семантическому полю “Животный мир”, на первом шаге деривации переосмысливается как относящееся к человеку, чтобы затем, при переходе к последнему звену цепочки значений, выйти на более высокую степень абстракции и утрачить непосредственную связь с обозначением живых существ. Впрочем, все пять рассмотренных в статье переходов, включая возникновение у прилагательных и наречий интенсифицирующей семантики, принадлежат натуралистической метафорической макросистеме [45, с. 80], то есть системе когнитивных метафор, основанных на наивно-языковых представлениях о человеке и других живых существах.

8. Заключение

Анализ языковых данных позволяет заключить, что для прилагательных с первым значением ‘дикий (о животных)’ характерно приобретение переносных значений, связанных с обозначением человека по признаку — как правило, черте характера или модели поведения. С наибольшей регулярностью в европейских языках осуществляются семантические переходы, основанные на представлении о неконтролируемости дикого животного, опасности, исходящей от него: WILD, UNTAMED → AGGRESSIVE и WILD, UNTAMED → IMPULSIVE. Во многих языках европейского ареала обнаруживаются также переходы, в основе которых лежит идея отсутствия контакта животных с человеком и, соответственно, их ненормального для человека поведения: WILD, UNTAMED → SHY и WILD, UNTAMED → RUDE, IMPOLITE. Следует также подчеркнуть, что два и более производных значения могут реализоваться синкретично в рамках одного употребления одной лексемы.

Не меньший интерес представляет и наиболее абстрактное значение соответствующих прилагательных и наречий — их употребление в лексической функции Magn. Будучи изначально связанными с идеей бурного, неконтролируемого проявления чувства, они впоследствии утрачивают эту связь, так что их семантическая сочетаемость существенно расширяется.

Таким образом, на первом шаге деривации совершается перенос существенных для наивной картины мира свойств дикого животного в сферу человеческого характера, а на втором значении выходит на высшую степень абстракции, сохраняя только семантический компонент интенсивности проявления признака. Значение IMPULSIVE,

¹⁰ Ima Lønning Aarø, Jeg kommer snart.

принадлежащее сфере человеческого, выступает в качестве срединного звена цепочки переходов, обеспечивающей появление высказываний типа *Это дико красиво*.

Описанные в статье семантические переходы обнаруживаются в языках разных групп и семей и, вероятнее всего, не ограничиваются европейским ареалом. Распространенность этих пяти семантических переходов позволяет говорить о важности оппозиции “дикое/домашнее животное” для наивной картины мира и в очередной раз констатировать на конкретном примере взаимопроникновение между различными сферами живой природы, находящее отражение в лексике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Nguyen V.T., Tran T.H.T.* Semantic alternation from animal to human under semantic field perspectives. *CLient Journal*, 2 (1), 2020. P. 18–29.
2. *Lehrer A.* Semantic Fields and Semantic Change. *Coyote Papers: Working Papers in Linguistics from A-Z, Exploring Language: Linguistic Heresies from the Desert*, 2016. 119–128.
3. *Зализняк А.А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.
4. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды, Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995.
5. *Словарь русского языка / Ред. А.П. Евгеньева.* М.: Русский язык, 1985. Т. 1.
6. *TLFi: Trésor de la langue Française informatisé.* ATILF / CNRS – Université de Lorraine. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>
7. *Duden Deutsches Universalwörterbuch / Ed. G. Drosowski.* Mannheim: Bibliographisches Institut, 1983.
8. *Sorlin S., Gardelle L.* Anthropocentrism, egocentrism and the notion of Animacy Hierarchy. *International Journal of Language and Culture*, 5 (2), 2019.
9. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. *Rosch E.H.* Natural categories. *Cognitive Psychology* 4, 1973. P. 328–350.
11. *Песина С.А.* Слово в когнитивном аспекте. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
12. *MacLaury R.E.* Social and cognitive motivations of change: measuring variability in color semantics. *Language* 67 (1), 1991. P. 34–62.
13. *Dizionario italiano, con sinonimi e contrari.* Milano: Garzanti, 1998.
14. *Dicionário Houaiss da língua portuguesa / Ed. A. Houaiss, M. Villar, F.M. Franco.* Rio de Janeiro: Editora Objetiva, 2001.
15. *Diccionario general ilustrado de la lengua española / Ed. R.M. Pidal, S.G. Gaya, M.A. Ezquerro.* Barcelona: Bibliograf S.A., 1987.
16. *Dicționarul explicativ al limbii române.* Bucurest: Editura academei republicii socialiste România, 1975.
17. *Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
18. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. URL: <https://ruscorpora.ru>
19. *Фуфаева И.В.* Метафора малого: русские диминутивы. РГГУ, 2020.
20. *Zingarelli N.* Vocabolario della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 1970.
21. *A magyar nyelv értelmező szótára. / Ed. László O.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962.
22. *Rico F.* Gran diccionario de la lengua española. Barcelona: Larousse, 2000.
23. *Treccani: dizionario della lingua italiana.* Firenze: Guinti, 2013.
24. *Dictionnaire Larousse online.* URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
25. *Dizionario italiano Sabatini Coletti. / Ed. F. Sabatini, V. Coletti.* Florence: Giunti, 1997.
26. *Det Norske Akademis Ordbok.* URL: <https://naob.no>
27. *Longman dictionary of contemporary English / Ed. by D. Summers.* 4th ed. White Plains, NY: Longman, 2003.
28. *Dictionnaire historique de la langue française / Ed. A. Rey.* Paris: Le Robert, 2011.
29. *Grande dizionario italiano dell'uso. / Ed. T. de Mauro.* Torino: UTET, 2004.
30. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей “Смысл <—> Текст”. Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.
31. *Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen.* URL: <https://www.ordbok.uib.no>
32. *Svenska Akademiens Ordböcker. Svenska Akademien.* URL: <https://svenska.se>
33. *O'Dónaill N.* Focloir Gaeilge-Bearla. Baile Atha Cliath: An Gum, 1992.
34. *ISLEX-ordabókin.* URL: <https://islex.arnastofnun.is/is/>
35. *Novo dicionário Aurélio da língua portuguesa / Ed. M.B. Ferreira, M. Dos Anjos.* Curitiba: Editora Positivo.
36. *Corbett G.G.* Number. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

37. Den Danske Orbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://www.ordnet.dk/ddo/forside>
38. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
39. Apresjan V., Lopukhina A., Zarifyan M. Representation of Different Types of Adjectival Polysemy in the Mental Lexicon. *Frontiers in Psychology*, 12, 2021.
40. Brinton Laurel J., Arnovik Leslie K. The English language. A linguistic history. Oxford: Oxford University Press, 2006.
41. Bréal M. Semantics: Studies in the Science of Meaning. New York: Dover Publications. 1964.
42. Larrivé K., Kallel A. The empirical reality of bridging contexts. *Journal of Historical Linguistics* 10:3, 2020. P. 427–451.
43. Brockhaus Wahrig: deutsches Wörterbuch in sechs Bänden / Ed. G. Wahrig, H. Krämer, Hildegard, H. Zimmermann. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.
44. Diccionario del español actual / Ed. M. Seco, O. Andrés, G. Ramos. Madrid: Aguilar, 1999.
45. Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014.
8. Sorlin, S., Gardelle, L. *Anthropocentrism, egocentrism and the notion of Animacy Hierarchy*. *International Journal of Language and Culture*. 2019, No. 5 (2).
9. Kustova, G.I. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения* [Types of Derivative Meanings and Mechanisms of Language Extension]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. (In Russ.)
10. Rosch, E.H. *Natural categories*. *Cognitive Psychology*. 1973, No. 4, pp. 328–350.
11. Pesina, S.A. *Slovo v kognitivnom aspekte* [The Word from a Cognitivist Perspective]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2011. (In Russ.)
12. MacLaury, R.E. *Social and cognitive motivations of change: measuring variability in color semantics*. *Language*. 1991, No. 67 (1), pp. 34–62.
13. *Dizionario italiano, con sinonimi e contrari*. Milano: Garzanti, 1998.
14. *Dicionário Houaiss da língua portuguesa*. Ed. A. Houaiss, M. Villar, F.M. Franco. Rio de Janeiro: Editora Objetiva, 2001.
15. *Diccionario general ilustrado de la lengua Española*. Ed. R.M. Pidal, S.G. Gaya, M.A. Ezquerro. Barcelona: Bibliograf S.A., 1987.
16. *Dicționarul explicativ al limbii române*. Bucurest: Editura academei republicii socialiste România, 1975.
17. Zaliznyak, A.A. *Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and the Ways of its Representation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2006. (In Russ.)
18. *Nacionalnyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2022. URL: <https://ruscorpora.ru>
19. Fufaeva, I.V. *Metafora malogo: russkie diminutivy* [The Metaphor of Smallness: Russian Diminutives]. Moscow, RSUH Publ., 2020. (In Russ.)
20. Zingarelli, N. *Vocabolario della lingua italiana*. Bologna: Zanichelli, 1970.
21. *A magyar nyelv értelmező szótára*. Ed. László O. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962.
22. Rico F. *Gran diccionario de la lengua española*. Barcelona: Larousse, 2000.
23. *Treccani: dizionario della lingua italiana*. Firenze: Guinti, 2013.
24. *Dictionnaire Larousse online*. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
25. *Dizionario italiano Sabatini Coletti*. Ed. F. Sabatini, V. Coletti. Florence: Giunti, 1997.
26. *Det Norske Akademis Ordbok*. URL: <https://naob.no>
27. *Longman dictionary of contemporary English*. Ed. by D. Summers. 4th ed. White Plains, NY: Longman, 2003.
28. *Dictionnaire historique de la langue française*. Ed. A. Rey. Paris: Le Robert, 2011.

REFERENCES

1. Nguyen, V.T., Tran, T.H.T. *Semantic alternation from animal to human under semantic field perspectives*. *CLient Journal*. 2020, No. 2 (1), pp. 18–29.
2. Lehrer, A. *Semantic Fields and Semantic Change*. *Coyote Papers: Working Papers in Linguistics from A–Z, Exploring Language: Linguistic Heresies from the Desert*. 2016, pp. 119–128.
3. Zaliznyak, A.A. *Semanticheskij perekhod kak objekt tipologii* [Semantic Shift as an Object of Typology]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2013, No. 2, pp. 32–51. (In Russ.)
4. Apresyan, Yu.D. *Izbrannyye trudy, tom 1. Leksicheskaya semantika* [Selected Works, Vol. 1. Lexical Semantics]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury” Publ., 1995. (In Russ.)
5. *Slovar russkogo yazyka* [The Dictionary of Russian Language]. Ed. A.P. Evgenjeva. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985. Vol. 1. (In Russ.)
6. *TLFi: Trésor de la langue Française informatisé*. ATILF – CNRS – Université de Lorraine. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>
7. *Duden Deutsches Universalwörterbuch*. Ed. G. Drosowski. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1983.

29. *Grande dizionario italiano dell'uso*. Ed. T. de Mauro. Torino: UTET, 2004.
30. Melchuk, I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej "Smysl <—> Tekst". Semantika, sintaksis* [An Essay of a Theory of Linguistic Models "Meaning—Text". Semantics, Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
31. *Bokmålsordboka*. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no>
32. *Svenska Akademiens Ordböcker*. Svenska Akademien. URL: <https://svenska.se>
33. O'Dónaill, N. *Foclóir Gaeilge-Bearla*. Baile Atha Cliath: An Gum, 1992.
34. *ISLEX-ordabókin*. URL: <https://islex.arnastofnun.is/is/>
35. *Novo dicionário Aurélio da língua portuguesa*. Ed. M.B. Ferreira, M. Dos Anjos. Curitiba: Editora Positivo.
36. Corbett, G.G. *Number*. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
37. *Den Danske Orbog*. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: https://www.ordnet.dk/ddo/forside_
38. Paducheva, E.V. *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. (In Russ.)
39. Apresyan, V., Lopukhina, A., Zarifyan, M. *Representation of Different Types of Adjectival Polysemy in the Mental Lexicon*. *Frontiers in Psychology*. 2021, No. 12.
40. Brinton, Laurel J., Arnovik, Leslie K. *The English language. A linguistic history*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
41. Bréal, M. *Semantics: Studies in the Science of Meaning*. New York: Dover Publications. 1964.
42. Larrivé, K., Kallel, A. *The empirical reality of bridging contexts*. *Journal of Historical Linguistics*. 2020, No. 10:3, pp. 427–451.
43. *Brockhaus Wahrig: deutsches Wörterbuch in sechs Bänden*. Ed. G. Wahrig, H. Krämer, Hildegard, H. Zimmermann. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.
44. *Diccionario del español actual*. Ed. M. Seco, O. Andrés, G. Ramos. Madrid: Aguilar, 1999.
45. Balashova, L.V. *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Russian Metaphor: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2014. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 августа 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 октября 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on August 23, 2022

Revised on October 11, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022